

Гомельский политехнический институт им. П.О.Сухого
Общество Кирилла Туровского

В. В. Кириенко, С. А. Елизаров

Беларусь: выбор пути развития
на оси "Восток-Запад"

Гомель 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	<i>л</i>
Глава 1. Восточные славяне: к проблеме самоидентификации	7
Глава 2. Коллективистско-индивидуалистическая составляющая восточнославянского менталитета	23
§ 1 Восточнославянская традиция коллективного и индивидуального	23
§ 2 Восточные славяне сегодня: вместе или поодиночке?	35
Заключение	<i>лл</i>
Список литературы	46

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, на перепутье развития белорусского общества, мучительного выбора модели общественного обустройства, одна из реальных альтернатив заключается в выборе "западного" либо "восточного" ориентиров. А известная человечеству практика выбора ориентиров общественного развития в критических, экстремальных условиях говорит о том, что этот выбор осуществляется под влиянием сильного, чаще всего неосознанного воздействия социокультурного кода ментальных характеристик общества.

Для выбора модели социально-экономического преобразования необходимо изучение своеобразия цивилизационного развития страны, влияния национальных традиций, типа культуры и духовного склада населения. Такая постановка проблемы подтверждается даже сравнительно небольшим по историческим меркам опытом реформирования стран ближнего и дальнего зарубежья, Республики Беларусь, показавшим неэффективность шаблонных, стандартизированных решений, не учитывающих принадлежность страны к тому или иному типу цивилизационного развития, особенностей духовного склада населения, традиционной системы ценностей, без учета национального менталитета.

Поиск модели общественного развития делает необходимым глубокое изучение названных выше аспектов социально-экономического процесса. Причем они выступают не как временные, чисто механические "добавления" к экономике, а как ее внутренние имманентные свойства. Данный подход рассматривает экономику как часть науки о человеке, а развитие народного хозяйства не как процесс чисто экономический, но как социальный процесс, как реализацию деятельного, творческого отношения человека к миру и к самому себе и исходит из положения о наследовании социальных и духовных явлений, определяющих тип хозяйствования. В центре такого исследования стоит человек как конкретный духовный тип со всей сложностью и многообразием социально-психологических мотиваций.

Авторы разделяют концепцию менталитета, принятую в современной философии, ее положение о том, что это "глубочайший уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное, совокупность готовностей, установок и предрасположений индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Менталитет формируется в зависимости от традиций, культуры, социальных структур и всей среды обитания и сам, в свою очередь, их ориентирует, выступая как порождающее сознание, как трудно определяемый источник культурно-исторической динамики"¹.

При анализе проблем восточнославянского менталитета авторы исходят из следующих основных постулатов:

Во-первых, менталитет есть устойчивый, коллективный, общественные склад ума, имеющий системный характер, который коренятся в прежних природно-климатических, культурных условиях жизни людей и оказывает непосредственное влияние на формирование экономических социальных и политических отношений. Менталитет обычно "молчалив" и проявляется, главным образом в повседневной!! будничной деятельности людей. Он включает в себя структуры национального характера, действующие в том числе и вне сознания, самопроизвольно, как определенный эмоционально-психологический код, вызывающий у человека именно такие, а не иные реакции на внешние раздражители. Менталитет как проявление "коллективного бессознательного" проявляется в чертах национального характера (например, терпение, рационализм, коллективизм и т.п.), способах, формах и нормах жизнедеятельности, глубоко укоренившихся обычаях, традициях, нормах социального поведения.

Во-вторых, менталитет связан с процессами большой длительности и с достаточно стабильными структурами массового сознания и не включает отдельные быстротечные изменения общественного сознания.

В-третьих, менталитет - это открытая система, которая, несмотря на свою целостность, может изменяться в определенных пределах.

Формируясь исторически, веками, менталитет определяет национальную модель экономического, социального и психологического поведения - культуру производства, распределения и потребления и соответствующие мотивации.

Национальный менталитет - реальность не меньшая, чем национальная экономика. Изменить менталитет целиком, как показывает исторический опыт, невозможно, можно лишь ослабить или усилить некоторые черты этой социокультурной парадигмы, перекомбинировать их. Опыт, приобретенный за годы общественного реформирования, политикам и хозяйственникам достаточно убедительно показал, что если исторические традиции, нравы, мотивы человеческого поведения по-прежнему рассматривать как малозначимы, то все теоретически верные реформаторские построения неизбежно будут приводить к непредвиденным, маложелательным или даже совсем нежелательным результатам. Сейчас стало ясно, что многие трудности последних лет вытекают из пренебрежения особенностями индивидуально-общественной психологии восточного славянства, стремления механического заимствования оправдавших себя на Западе экономических и социальных технологий без учета особенностей традиционной жизни населения.

В XI - XIII столетиях значительная часть территории Гомельского региона входила в состав Черниговского княжества, с середины XIV века -

в состав Белорусско-Литовского государства, затем несколько раз земли современной Гомельщины переходили из Великого Княжества Литовского в состав России и обратно. Поэтому историческая память населения юго-востока Белоруссии "вобрала" в себя многовековое, многовекторное влияние соседних культур на осях "Север - Юг" и "Запад - Восток". Как в известной песне: " Меж Литвой и Украиной..., между Польшей и Россией - полька белорусская".

Особенностью нашего исследования является то, *то* оно базируется на фактологической базе Гомельского региона, непосредственно граничащего с территориями, населенными самыми многочисленными славянами ; русскими и украинцами. Именно этот регион является сегментом восточнославянского "котла", в котором на протяжении столетий "варился", выкристаллизовывался восточнославянский характер, восточнославянский менталитет.

Глава 1. ВОСТОЧНЫЙ СЛАВЯНЕ : К ПРОБЛЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Известная человечеству практика выбора ориентиров общественного развития в критических, экстремальных периодах говорит о том, что этот выбор осуществляется под сильным, чаще всего интуитивным, воздействием социокультурного кода ментальных этносоциальных характеристик общества.

Поэтому для прогнозирования пути общественного развития и, прежде всего, на оси "Восток - Запад " важно "расшифровать" социокультурный код соотечественников, понять, с кем они себя в наибольшей степени самоидентифицируют, а кому и по каким качествам себя противопоставляют.

При формировании рабочих гипотез мы исходили из того, что в ментальности юго-восточного региона Беларуси будут иметься региональные особенности, предопределенные непосредственным многовековым взаимовлиянием российских, украинских и белорусских культур.

Специфика измерения ментальных характеристик нации заключается в том, что их величину можно измерить только в сравнении с другими нациями. Выбор наций, в сравнении с которыми осуществлялась оценка ментальности проводился по трем критериям:

1. Восточно-славянские нации, куда были включены белорусы, русские, украинцы.
2. Нации, государственные территории которых граничат с Беларусью (поляки и литовцы).
3. Нации, олицетворяющие Запад, ментальные характеристики которых для наших респондентов находятся на слуху, являются легко "узнаваемыми": немцы и американцы.

Самоидентификация наших респондентов осуществлялась в условиях необходимости сопоставления значимости 16 ментальных характеристик для представителей перечисленных выше семи национальностей. Каждый респондент должен был определить для каждой национальности шесть наиболее значимых ментальных качеств из предложенных в вехе анкеты 16 характеристик: стремление к личной свободе; трудолюбие; уважение традиций, следование традициям; точность, обязательность; коллективизм; индивидуализм; толерантность: совестливость, сострадание; патриотизм; теплота и сердечность в отношениях между людьми; чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации; ДУХОВНОСТЬ; закопопослушание; постоянство. консерватизм; гостеприимство; уважение младшими старших и забота старших о младших.

Следует отметить, что "узнаваемость" респондентами предложенных нами 16 ментальных характеристик оказалась различной (см. таблицу) № 1).

Таблица № 1

Средневзвешенные оценки узнаваемости ментальных характеристик (в %);

Стремление к личной свободе	43,0
Трудолюбие	37,7
Патриотизм	36,0
Уважение, следование традициям	35,3
Гостеприимство	32,3
Индивидуализм	28,6
Законопослушание	24,7
Теплота и сердечность в отношениях между людьми	22,3
Коллективизм	22,2
Точность, обязательность	21,0
Уважение младшими старших и забота старших о младших	[21,0
Чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации	20,5
Толерантность	20,1
Совестливость, сострадание	19,6
Постоянство, консерватизм	14,0
Духовность	12,0

Как мы и предполагали, наибольшая "плотность" зафиксирована у следующих характеристик (у представителей отдельных национальностей);

- стремление к личной свободе, независимости. Это качество зафиксировали у представителей американской национальности 77,7 % опрошенных респондентов;
- точность, обязательность, где максимальная оценка у немцев составила 76,9 %;
- гостеприимство (у белорусов) - 66,7 %;
- трудолюбие (у белорусов) - 66,7%;
- законопослушание (у немцев)-62,5 %;
- патриотизм (у русских)-55,6 %;
- теплота и сердечность в отношениях между людьми (у белорусов) -54,6%;
- индивидуализм (каждый сам за себя) (у американцев) - 55,1 ' .

- совестливость, сострадание (у белорусов) - 51,8 %;
- толерантность (терпимость к чужим взглядам, традициям, обычаям) (у белорусов) - 48 %;
- коллективизм (один за всех и все за одного) (у русских) - 49 %;
- уважение традиций, следование традициям (у литовцев) - 47,1 %.

На другом полюсе наименее узнаваемых ментальных характеристик оказались:

- духовность (преобладание духовных потребностей над материальными), наибольшая плотность этой оценки зафиксирована у представителей русской нации - 16 %;
- чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации, где максимума достигли немцы (26,4 %);
- уважение младшими старших и забота старших о младших, где наиболее значимая оценка (29,2 %) зафиксирована также у немцев;
- постоянство, консерватизм, которые опять в наибольшей степени (30 %) зафиксированы у немцев.

Обращает на себя внимание существенный коэффициент "разброса" при оценке одной и той же ментальной характеристики у представителей различных национальностей. К примеру, такое качество, как стремление к личной свободе, независимости у белорусов оказалось ниже, чем у американцев почти в 4 раза (3,9);

трудолюбие у поляков ниже, чем у белорусов в 4 раза;

точность, обязательность у немцев выше, чем у белорусов в 14 раз, в сравнении с украинцами - в 31 раз;

коллективизм у русских выше, чем у американцев в 5 раз, а индивидуализм у американцев выше, чем у белорусов в 4,3 раза;

толерантность у литовцев в сравнении с белорусами ниже в 8 раз;

совестливость и сострадание у литовцев ниже, чем у белорусов в 12,6 раза.

Следует также подчеркнуть, что в исследовании явно просматривается эффект "нарциссизма", завышение самооценки ментальных характеристик у белорусов. Так, "самыми лучшими" белорусы оказались по следующим качествам: трудолюбию, толерантности, совестливости, теплоте и сердечности в отношениях между людьми, гостеприимству, менее всего у них проявляется индивидуализм. Вторые позиции у белорусов зафиксированы по проявлению коллективизма и духовности (преобладанию духовных потребностей над материальными).

Особенно не "повезло" нашим соседям - литовцам. Последние рейтинговые позиции они заняли по пяти ментальным характеристикам: гостеприимству, духовности, теплоте и сердечности в отношениях между людьми, совестливости, состраданию, толерантности.

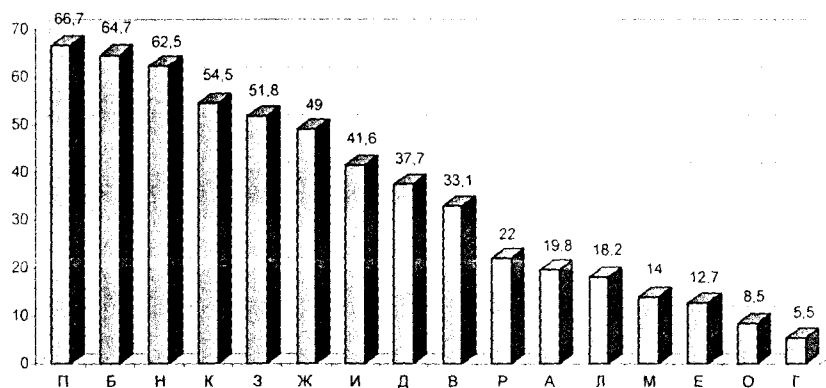
Таблица № 2

Качество	бело- русы	рус- ские	укра- пины	амери- канцы	немцы	поляки	литов- цы
<u>Гостеприимство</u>	1	1	1	12	11	10	14
<u>Трудолюбие</u>	2	10	5	5	3	6	5
<u>Законопослу- шание</u>	3	15	15	3	2	5	9
<u>Теплота и сер- дечность в отно- шениях между людьми</u>	4	5	6	14	15	13	12
<u>Совестливость, сострадание</u>	5	4	10	16	13	15	16
<u>Толерантность</u>	6	8	12	8	16	И	15
<u>Патриотизм</u>	7	2	4	4	8	4	4
<u>Коллективизм</u>	8	3	7	15	12	12	11
<u>Уважение, сле- дование тради- циям</u>	9	7	3	9	4	3	2
<u>Уважение млад- шими старших и забота старших о младших</u>	10	9	11	10	7	7	6
<u>Стремление к личной свободе</u>	11	6	2	1	5	1	1
<u>Чувство локтя, стремление ока- зать помощь представителям своей нации</u>	12	11	9	7	9	8	8
<u>Духовность</u>	13	12	13	13	14	9	13
<u>Индивидуализм</u>	И	13	8	2	10	2	3
<u>Постоянство, консерватизм</u>	15	14	14	11	6	14	10
<u>Точность, обяза- тельность</u>	16	16	16	6	1	16	7

Обработка полученных в социологическом исследовании данных позволила построить рейтинговые ряды значимости ментальных характеристик для представителей каждой из семи национальностей (см. табл. №2).

Какое место в представленном многоличье наши респонденты ответили белорусам? Какие положительные и какие отрицательные характеристики определяют их национальное лицо?

График № 1
Социально-психологический портрет белоруса



- а) стремление к личной свободе;
- б) трудолюбие;
- в) уважение, следование традициям;
- г) точность, обязательность;
- д) коллективизм (один за всех и все за одного);
- е) индивидуализм (каждый сам за себя);
- ж) толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям);
- з) совестливость, сострадание;
- и) патриотизм;
- к) теплота и сердечность в отношениях между людьми;
- л) чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м) духовность (преобладание духовных потребностей над материальными);
- н) законопослушание;
- о) постоянство, консерватизм;
- п) гостеприимство;
- р) уважение младшими старших и забота старших о младших.

Учитывая тот факт, что 72.1 % среди опрошенных респондентов указали национальность "белорус", нарисованный выше портрет белоруса мы рассматриваем как автопортрет.

Итак, национальное лицо белоруса определяется такими положительными характеристиками как гостеприимство, трудолюбие, законопослушание, толерантность, совестливость, сострадание и сердечность в отношениях между людьми. Вместе с тем, по мнению респондентов белорус обладает такими отрицательными качествами как неточность и необязательность, заниженным стремлением к проявлению индивидуальности, слабо развитым чувством локтя, стремлением оказать помощь представителям своей нации (антинационализмом).

Среди шести положительных национальных качеств белорусов, по крайней мере, четыре качества (гостеприимство, теплота и сердечность по отношению к другим людям, совестливость, сострадание и толерантность) можно отнести к духовно-нравственным, эмоционально-насыщенным, а два (трудолюбие и законопослушание) к рационально-структурированным, эмоционально индифферентным.

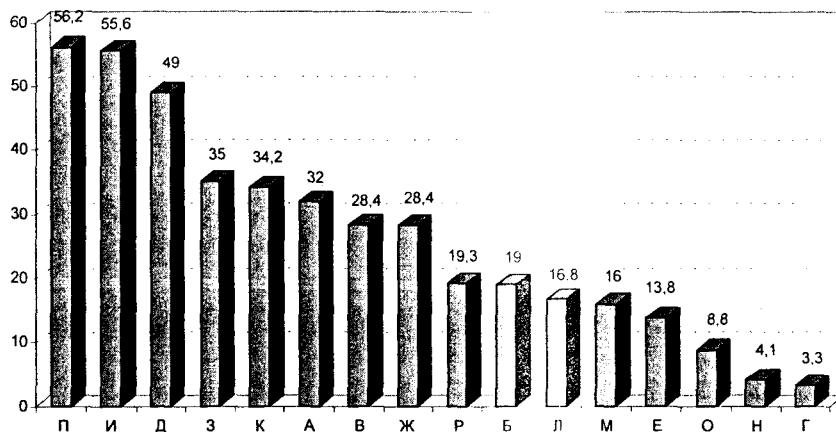
Обращает на себя внимание огромная (более чем в 11 раз!) разница в самооценках нашими респондентами таких качеств как законопослушание, на наличие которого у белорусов указало 62, 5 % респондентов, и точности и обязательности, присутствие которых зафиксировало только 5,5 % опрошенных. С точки зрения рационально-правового измерения получается явная несуразица: законопослушание как раз и проявляется в обязательном, точном и своевременном выполнении юридических, нормативных договоров, распоряжений и приказов. Но наши респонденты рассмотрели эту проблему иначе. Учитывая, что по значимости рядом с категорией “законопослушание” располагаются категории “теплота и сердечность в отношениях между людьми” и “совестливость и сострадание” напрашивается вывод о том, что понятие “закон” нашими респондентами ассоциировано не с “писанным”, не с тем, что на “бумаге”, а с совестливостью и состраданием, с тем законом, который в “душе”. Интересно, что только у немцев, по мнению наших респондентов, уровень точности, обязательности (76,9 %), занимая первое место среди других национальных качеств, превосходит уровень законопослушания (62,5 %), только у немцев точность и обязательность не являются следствием законопослушания, немцы точны и обязательны без принуждения, сами по себе.

У русского (см. график № 2) в качестве доминирующих выделены следующие ментальные характеристики: гостеприимство, патриотизм, коллективизм (один за всех и все за одного). В качестве значимых отмечены: совестливость, сострадание, теплота и сердечность в отношениях между людьми, стремление к личной свободе, независимости, уважение, следование традициям, толерантность (терпимость к чужим взглядам, традициям, обычаям). Менее всего выражены: точность, обязательность, законопослушание, постоянство, консерватизм, индивидуализм (каждый сам за себя), духовность (преобладание духовных потребностей над мате-

риальными), чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации, трудолюбие, уважение младшими старших и забота старших о младших.

График № 2

Социально-психологический портрет русского



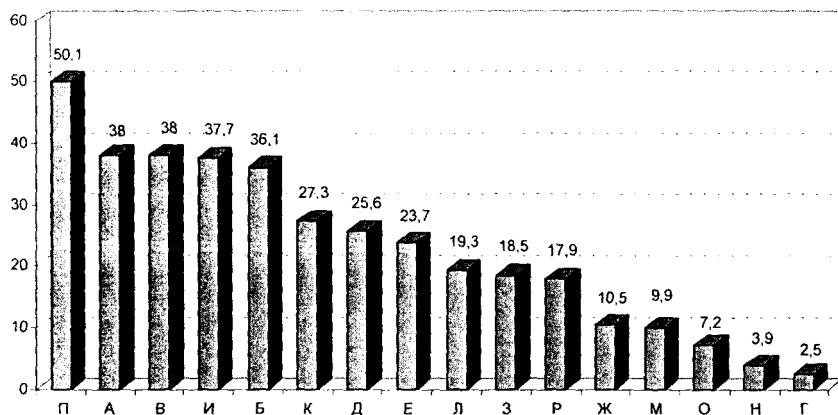
- а) стремление к личной свободе;
- б) трудолюбие;
- в) уважение, следование традициям;
- г) точность, обязательность;
- д) коллективизм (один за всех и все за одного);
- е) индивидуализм (каждый сам за себя);
- ж) толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям);
- з) совестливость, сострадание;
- и) патриотизм;
- к) теплота и сердечность в отношениях между людьми;
- л) чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м) духовность (преобладание духовных потребностей над материальными);
- н) законопослушание;
- о) постоянство, консерватизм;
- п) гостеприимство;
- р) уважение младшими старших и забота старших о младших.

Ментальные характеристики украинцев (см. график № 3) расставлены в следующей последовательности: в качестве доминирующих названы гостеприимство, стремление к личной свободе, уважение, следование традициям, патриотизм, трудолюбие. К достаточно выраженным характери-

стикам отнесены: теплота и сердечность в отношениях между людьми, коллективизм (один за всех и все за одного), индивидуализм (каждый сам за себя).

График № 3

Социально-психологический портрет украинца



- а) стремление к личной свободе;
- б) трудолюбие;
- в) уважение, следование традициям;
- г) точность, обязательность;
- д) коллективизм (один за всех и все за одного);
- е) индивидуализм (каждый сам за себя);
- ж) толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям);
- з) совестливость, сострадание;
- и) патриотизм;
- к) теплота и сердечность в отношениях между людьми;
- л) чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м) духовность (преобладание духовных потребностей над материальными);
- н) законопослушание;
- о) постоянство, консерватизм;
- п) гостеприимство;
- р) уважение младшими старших и забота старших о младших.

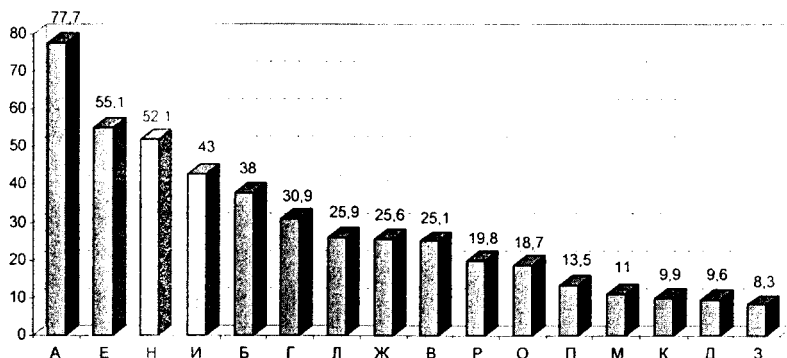
Менее других выражены: точность, обязательность, законопослушание, постоянство, консерватизм, духовность (преобладание духовных потребностей над материальными), толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям), уважение младшими старших и забота старших о младших, совестливость, сострадание, чувство локтя, стремле-

ние оказать помощь представителям своей нации, индивидуализм (каждый сам за себя).

Национальный портрет американца (см. график № 4) респонденты “выстроили” следующим образом: в качестве доминирующих названы такие национальные особенности, как стремление к личной свободе, независимости, индивидуализм, законопослушание, патриотизм, трудолюбие.

График № 4

Социально-психологический портрет американца



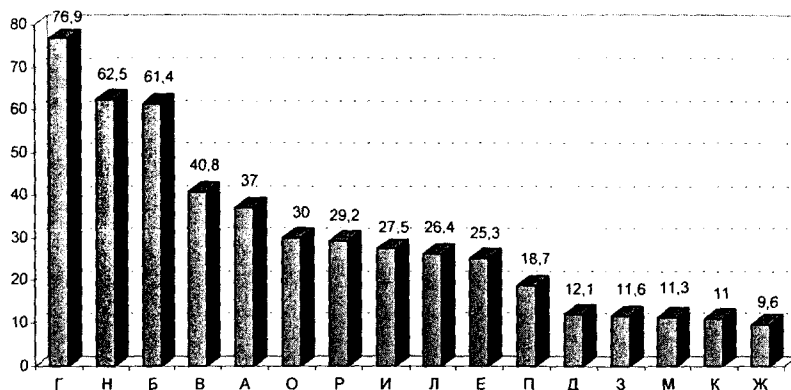
- а) стремление к личной свободе;
- б) трудолюбие;
- в) уважение, следование традициям;
- г) точность, обязательность;
- д) коллективизм (один за всех и все за одного);
- е) индивидуализм (каждый сам за себя);
- ж) толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям);
- з) совестливость, сострадание;
- и) патриотизм;
- к) теплота и сердечность в отношениях между людьми;
- л) чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м) духовность (преобладание духовных потребностей над материальными);
- н) законопослушание;
- о) постоянство, консерватизм;
- п) гостеприимство;
- р) уважение младшими старших и забота старших о младших.

Средневыраженными национальными качествами по значимости названы: точность, обязательность, чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации, толерантность и уважение, следование традициям. И, наконец, самыми незначительными в национальном характере у американцев определены: совестливость, сострадание, коллекти-

визм, теплота и сердечность в отношениях между людьми, духовность, гостеприимство, постоянство, консерватизм, уважение младшими старших и забота старших о младших.

График № 5

Социально-психологический портрет немца



- а) стремление к личной свободе;
- б) трудолюбие;
- в) уважение, следование традициям;
- г) точность, обязательность;
- д) коллективизм (один за всех и все за одного);
- е) индивидуализм (каждый сам за себя);
- ж) толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям);
- з) совестливость, сострадание;
- и) патриотизм;
- к) теплота и сердечность в отношениях между людьми;
- л) чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м) духовность (преобладание духовных потребностей над материальными);
- н) законопослушание;
- о) постоянство, консерватизм;
- п) гостеприимство;
- р) уважение младшими старших и забота старших о младших.

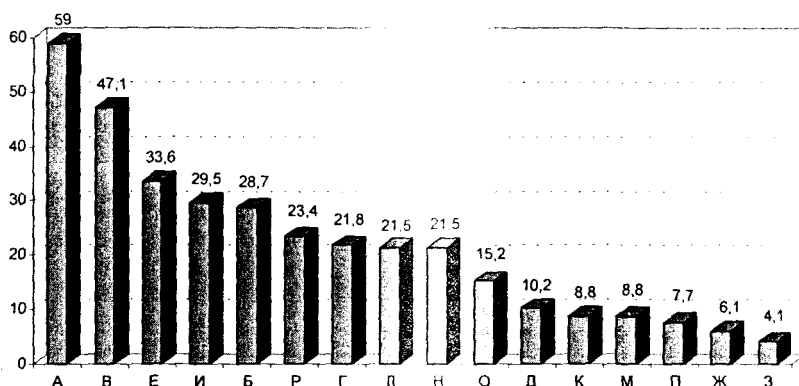
Ведущими чертами в портрете немцев (см. график № 5) зафиксированы следующие национальные черты: точность, обязательность, законопослушание, трудолюбие, уважение традиций, следование традициям. К среднестатистическим ментальным характеристикам немцев респондентами от-

несены: стремление к личной свободе, независимость, постоянство, консерватизм, уважение младшими старших и забота старших о младших.

Портрет северо-западных соседей - литовцев (см. график № 6) респонденты сформулировали из следующих ментальных характеристик: в качестве доминирующих зафиксировали стремление к личной свободе и независимости, уважение, следование традициям.

График № 6

Социально-психологический портрет литовца



- а) стремление к личной свободе;
- б) трудолюбие;
- в) уважение, следование традициям;
- г) точность, обязательность;
- д) коллективизм (один за всех и все за одного);
- е) индивидуализм (каждый сам за себя);
- ж) толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям);
- з) совестливость, сострадание;
- и) патриотизм;
- к) теплота и сердечность в отношениях между людьми;
- л) чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м) духовность (преобладание духовных потребностей над материальными);
- н) законопослушание;
- о) постоянство, консерватизм;
- п) гостеприимство;
- р) уважение младшими старших и забота старших о младших.

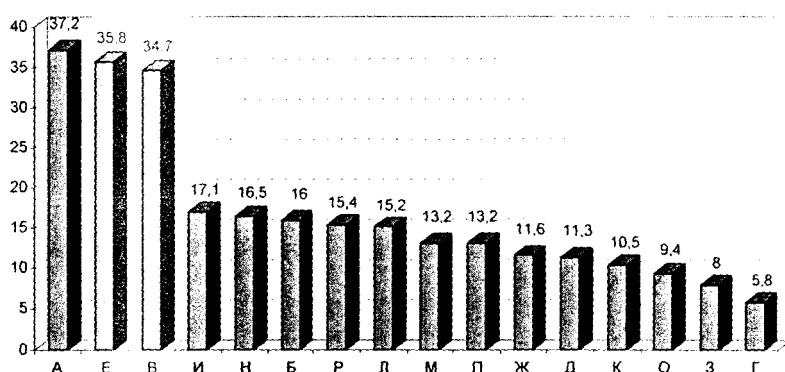
К среднестатистическим национальным особенностям отнесены: патриотизм, трудолюбие, уважение младшими старших и забота старших о младших, точность, обязательность, чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации, законопослушание. Менее других

определены такие качества, как совесть, сострадание, толерантность, гостеприимство, духовность, теплота и сердечность в отношениях между людьми, коллективизм, постоянство, консерватизм.

Труднее других респондентами "рисовался" национальный портрет поляков (см. график № 7).

График № 7

Социально-психологический портрет поляка



- а) стремление к личной свободе;
- б) трудолюбие;
- в) уважение, следование традициям;
- г) точность, обязательность;
- д) коллективизм (один за всех и все за одного);
- е) индивидуализм (каждый сам за себя);
- ж) толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям);
- з) совесть, сострадание;
- и) патриотизм;
- к) теплота и сердечность в отношениях между людьми;
- л) чувство локтя стремление оказать помощь представителям своей нации;
- м) духовность (преобладание духовных потребностей над материальными);
- н) законопослушание;
- о) постоянство, консерватизм;
- п) гостеприимство;
- р) уважение младшими старших и забота старших о младших.

В качестве главных названы такие ментальные характеристики, как стремление к личной свободе и независимости, индивидуализм, уважение, следование традициям. Все остальные тринадцать ментальных характеристик оказались слабовыраженными.

Об особенностях "узнавания" ментальности предложенных для анализа национальностей говорит приведенная ниже таблица "плотности" ментальных характеристик:

Таблица № 3

Национальность	%	Рейтинг
Белорусы	35,1	1
Немцы	30,7	2
Американцы	29,0	3
Русские	26,2	4
Украинцы	22,9	5
Литовцы	21,7	6
Поляки	16,9	7

Как и следовало ожидать, самое "прорисованное" лицо оказалось у белорусов. Также достаточно хорошо респонденты узнали национальное лицо у немцев, американцев, русских и украинцев, а самое "туманное" — у литовцев и поляков.

Для определения векторов самоидентификации, в рамках которых респонденты осуществляли процесс самоопределения, мы смоделировали четыре полюса:

Нации, обладающие положительными ментальными характеристиками ("хорошие" нации)



Нации, обладающие отрицательными ментальными характеристиками ("плохие" нации)

Нации, с которыми по ментальным характеристикам белорусы входят в противоположную "антагонистическую" нишу ("чужие" нации), с которыми по ментальным характеристикам белорусы входят в одну положительную "антагонистическую" нишу ("свои" нации)

Сразу оговоримся, что категории "плохие", "хорошие", "свои", "чужие", носят исключительно инструментальную нагрузку.

Одна из рабочих гипотез строилась на предположении, что нации, определенные респондентами в процессе самоидентификации как "хорошие" и "свои", скорее всего не будут полностью "накладываться"

друг на друга; точно так же, как и “плохие” нации не будут полностью “перекрывать” “чужих”. Исходя из этого, нами было смоделировано четыре вектора, в рамках которых осуществляли самоидентификацию наши респонденты.

1. “Хорошие”, “свои”, куда вошли нации, обладающие положительными ментальными характеристиками, входящие вместе с белорусами в одну нишу.

2. “Хорошие”, но “не свои”, “чужие” нации, в отличие от белорусов, обладающие положительными ментальными характеристиками.

3. “Плохие”, но “свои”, куда вошли нации, обладающие отрицательными ментальными характеристиками в такой же степени как и белорусы.

4. “Плохие”, “чужие”, где расположились национальности, в отличие от белорусов обладающие отрицательными ментальными характеристиками.

Для определения “совместимости” ментальных характеристик белорусов с ментальными характеристиками других национальностей мы построили таблицу:

Таблица № 4

Рейтинги ментальных характеристик

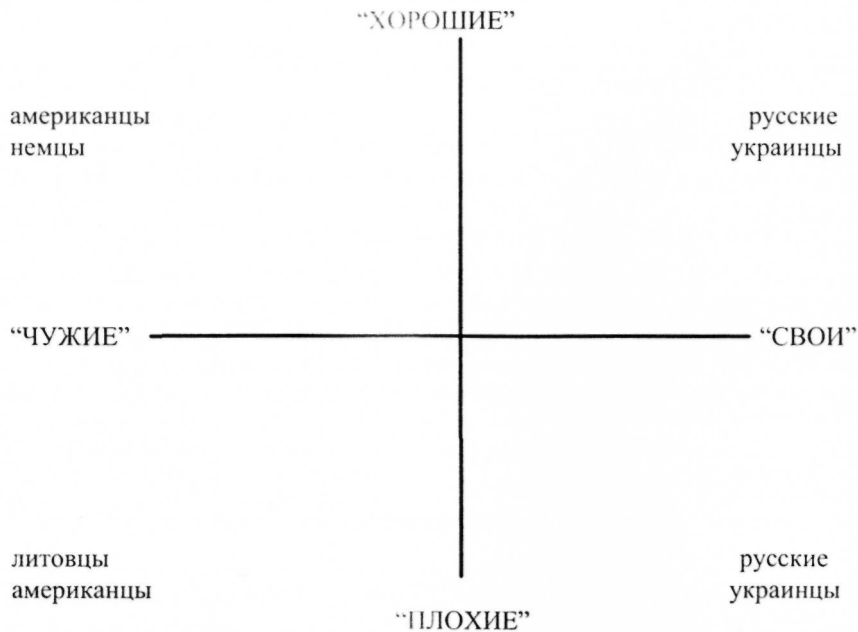
Ментальная характеристика	Ранг оценки белорусов	Ранг ближайшей по рангу нации	Ранг нации-антагониста
1	2	3	4
Стремление к личной свободе, независимости	7	русские - 6 поляки - 5	американцы - 1 литовцы - 2
Трудолюбие	1	украинцы - 2 американцы - 3	поляки - 7 русские - 6
Уважение традиций, следование традициям	5	русские - 6 поляки - 4	литовцы - 1 немцы - 2
Точность, обязательность	5	русские - 6 поляки - 4	немцы - 1 американцы - 2
Коллективизм	2	русские - 1 украинцы - 3	американцы - 7 литовцы - 6
Индивидуализм	7	русские - 6 украинцы - 5	американцы - 1 поляки - 2
Толерантность (терпимость к чужим взглядам, обычаям, традициям)	1	русские - 2 американцы - 3	литовцы - 7 немцы - 6

1	2	3	4
Совестливость, сострадание	1	русские - 2 украинцы - 3	американцы - 6 литовцы - 7
Патриотизм	3	\украинцы- 4 американцы - 2	поляки - 7 немцы - 6
Теплота и сердечность в отношениях между людьми	1	русские - 2 украинцы - 3	литовцы - 7 американцы - 6
Чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации	5	русские - 6 \украинцы- 4	немцы - 1 американцы - 2
Духовность(преобладание духовных потребностей над материальными)	2	русские - 1 поляки- 3	литовцы - 7 украинцы - 6
Законопослушание	5	русские - 6 поляки- 4	американцы - 2 немцы - 1
Постоянство, консерватизм	6	русские- 5 \украинцы- 7	немцы - 1 американцы - 2
Гостеприимство	1	русские - 2 украинцы - 3	литовцы - 7 поляки - 6

В результате обработки зафиксированных в приведенной выше таблице данных получено следующее распределение национальностей по векторам (см. график № 8)

Одна из рабочих гипотез исследования заключалась в том, что большинство национальных черт белорусов, русских и украинцев будут совпадать, что белорусы, русские и украинцы окажутся в одних нишах. Эта гипотеза полностью подтвердилась. Русские и украинцы оказались одновременно и "хорошими" и "плохими" практически в такой же степени как и белорусы, т.е. "своими". У американцев как у русских и украинцев также одновременно зафиксированы и "хорошие" и "плохие" ментальные характеристики, но в отличие от славян, американцы "хорошие" и "плохие" по другим параметрам, чем белорусы, они "чужие", не "свои". К немцам зафиксировано иное отношение: они просто "хорошие"..., но "чужие".

Распределение национальностей по векторам



Понятно, что в переломных ситуациях, в условиях интуитивного выбора ориентиров общественного развития, сила притяжения теплого, эмоционально-насыщенного "хорошего, своего" вектора оказывает большее воздействие, чем холодный, "хороший, но чужой" вектор. Более того, что при необходимости выбора между "хорошим, но чужим" и "плохим, но своим" векторами, осторожные белорусы предпочтут "плохой, но свой" вектор.

Таким образом, наша главная рабочая гипотеза в процессе исследования полностью подтвердилась - воссоединение разорванных связей с нашими восточными соседями - Россией и Украиной, необходимость не только экономическая и политическая, но и социально-психологическая. Но это несколько не исключает продвижение Беларуси в сторону Запада. Другое дело, что процесс этот будет обуславливаться сложным освоением западных ментальных ценностей. Учитывая то обстоятельство, что изменение ментальных характеристик вообще происходит достаточно трудно, медленно, можно сделать вывод, что продвижение к освоению "западных" ценностей у медленных, осторожных белорусов в закон же мере неизбежно, сколь и не поспешно.

Глава 2. КОЛЛЕКТИВИСТСКО - ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Коллективизм привычно выделяют определяющей чертой восточнославянского менталитета в противопоставлении индивидуализму, не характерному для традиций восточного славянства, а свойственному западному образу жизни. Вместе с тем, исторические источники, наблюдения исследователей национального образа жизни свидетельствуют о существовании у восточных славян значительно более сложной системы взаимоотношений коллективистских и индивидуалистических начал, предполагающих их своеобразную гармонию в интересах нормального функционирования общества. При этом авторы данной работы поставили перед собой две задачи:

а) выявить характеристики классического варианта восточнославянского отношения к коллективизму и индивидуализму как поведенческим нормам;

б) определить степень его проявления в современных условиях на основе собственного социологического опроса с использованием опубликованных социологических исследований по данной проблематике.

§ 1 Восточнославянская традиция коллективного и индивидуального

Традиции восточнославянского коллективизма и индивидуализма формировались в лоне крестьянской культуры, имевшей свои достаточно сильные ограничители, оказывавшие решающее влияние на ментальные характеристики. Российский исследователь О.Усенко отмечает: "Каждая культура, каждый тип сознания в чем-то ограничены, поскольку "держат" индивида в определенных рамках, в определенной системе координат. Как правило, человек не свободен в выборе своей "картины мира", посылки своего мышления, он их получает с рождением и воспитанием, и его личность - продукт совершенно определенной культуры"".

Центральным механизмом формирования восточнославянского менталитета является община. Община - это способ жизни восточных славян, опосредовавший все его действия в мире. В восточнославянской крестьянской общине и формировался особый тип отношений коллективного и индивидуального в его классическом виде.

Коллективистские настроения восточных славян традиционно выводят из их отношения к собственности на главный источник существования крестьянина - на землю. Основной принцип этого отношения - земля либо Божья, либо государственная. При этом право пользования землей и ее плодами в крестьянской традиции распространялось только на тех, кто непосредственно на ней работает. Только личный труд давал право владеть землей. "Народное сознание всегда считало, что единственным источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, не должна находиться в индивидуальной собственности, а только во временном пользовании, право на которое может дать только работа" - отмечает современный исследователь крестьянской экономики О.Платонов .

Основной, исконной формой первичного землепользования было захватное, когда крестьянин занимал в понравившемся месте столько земли, сколько ему было нужно. Это был прежде всего индивидуально-семейный принцип землевладения, зависящий главным образом от инициативности, удачливости отдельных крестьянских семей и от их возможностей обработки земли. Этот "захватный метод" утверждения на земле сопутствовал длительному периоду колонизации земель на востоке, особенно ярко проявившийся в освоении Сибири и Степи после ликвидации Астраханского и Казанского ханств в середине XVI века. Основанием для владения этой целинной землей были затраты труда переселенцев как вполне достаточный довод (достаточный для крестьянского менталитета, крестьянской традиции, но не для государства) для закрепления на этом участке.

Со временем, когда возможности непрерывного освоения новых земель были ограничены географическими условиями, "захватный принцип" заменяется постепенно уравнительно-передельным, но по-прежнему основным источником владения землей для крестьян остается собственный труд на земле. Исследователь русской общины Е.Стариков замечает: "Право на землю приобреталось трудом на ней и не являлось правом полной и безусловной собственности. Последнее распространялось только на вещи, созданные человеческим трудом" . Прекращение трудовой деятельности на земле соответственно лишало права сю владеть.

Исследователи общины отмечают два принципиально различные пути развития западно- и восточноевропейской общин в условиях истощения свободных земель: на Западе "земельная теснота" привела к усилению дифференциации крестьянства на экономической основе, на Востоке - к уравнительному распределению вплоть до отрезки земли от одного члена общины в пользу более нуждающегося другого.

Представление о личном труде как гарантии права на владение землей и распоряжение результатами этого труда уже приводит к отрицанию

частной собственности на землю. Историки отмечают, что в XVIII - XIX вв. спорадическое развитие элементов частной собственности на землю имело место лишь на окраинах империи. В центре же максимум его развития - это лишь частная практика наследственного закрепления наделных участков за крестьянским двором. К этому отрицанию неизбежно приводит и идея уравнительной справедливости как необходимости защиты каждого члена крестьянского сообщества от разорения и голодной смерти, представления гарантий любому труженику минимума необходимых для жизни условий, в первую очередь земли.

Экономические ориентации крестьян определялись прежде всего их представлениями об опасности оказаться за нижним пределом потребления. Они предпочитали придерживаться традиционной системы земледелия, т.к. считали, что она сводит к минимуму такой риск, даже если организационные и технологические нововведения обещают повышение средней урожайности. Вместе с тем, там, где они видели гарантии от риска, там они охотно шли на новшества. Опасность самому существованию крестьянской семьи объясняло и огромный страх оказаться в наемных работниках. Часто разница в доходах между крестьянином-владельцем земли и наемным работником бывала невелика, но переход в состояние наемного работника означал резкое снижение гарантии существования, увеличение риска. Главное преимущество хозяина земли состояло в глазах крестьян в том, что средства производства находятся в его руках и безопасный минимальный уровень его существования не зависит от воли другого человека. А общинно-передельная (как и общинно-подворная) система предоставляла каждому крестьянскому семейству гарантии этот безопасный уровень обеспечить за счет гарантированности земельного владения и его неотчуждаемости.

Эти же экономические ориентации определяли и характер отношений крестьянства к государству и помещикам. Крестьяне твердо полагали, что государство и помещики, изымавшие значительную часть их продукции, не должны делать это так, чтобы возникла угроза самому существованию крестьянских семей. Крестьянское требование "права на существование" заключалось в том, что стоящие над ними не должны изымать у крестьянина то, что жизненно необходимо его семье. Кроме того, это предполагало и наложение крестьянами на государство и помещиков обязанностей поддержки крестьян в сложных, чрезвычайных обстоятельствах (стихийные бедствия, голод и т.п.).

Важный источник формирования уравнительных тенденций восточнославянской общины выделяет А.В.Милов: "Эволюционируя как чисто земледельческое, при слабом развитии городов и промышленности вообще российское общество было крайне заинтересовано в сохранении жизнедеятельности буквально каждого крестьянского двора, ибо разорение

крестьянина не переключало его в иную среду производственной деятельности, а ложилось бременем на общество" . В этих условиях уравнильность позволяла поддерживать хозяйства в рабочем состоянии (хотя и консервировало его эффективность), не превращая его членов в "обузу общества".

Следует отметить, что общинно-уравнильная традиция не отрицала достойного вознаграждения за старательность, рачительность и умение, но всегда ограничивала его определенными рамками, выход за пределы которых осуждался, вызывая отрицательную реакцию и ассоциировался с "неправедно нажитым". Основным принципом отношения к богатству служил православный принцип "нестрогой прибыльности рыночного обмена". Сущность его - в осуждении получения прибыли любым путем. Богатство скорее вызывало большое подозрение, чем уважение ("От трудов праведных не наживешь палат каменных", "Богатому черти деньги куют", "Пусти душу в ад - будешь богат", "Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом", "Неправедная корысть впрок нейдет"). Преобладали моральные формы трудового стимулирования: качественный и эффективный труд стимулировался не только и не столько материальным вознаграждением, сколько внутренними моральными мотиваторами, что, еще раз подчеркнем, вовсе не отрицало и "справедливого" (с крестьянской точки зрения) материального вознаграждения.

Подобную крестьянскую систему экономики английский историк Дж.Скотт назвал "моральной экономикой", которая обеспечивает выживание человека на уровне простого существования, на уровне простого воспроизводства, но всех членов общества (в этом и состоит ее моральность). "Аморальная" же экономика развитого капитализма обеспечивает весьма высокий уровень материального благосостояния общества. хотя отнюдь не для всех его членов.

Эффективное сочетание моральных и материальных мотиваций труда достаточно сложная проблема, решить которую не смогли ни в доперестроечный, ни в постперестроечный период: в первом случае налицо абсолютизация моральных факторов (действовавших как реальный стимул только при соответствующем всеобщем энтузиазме, который всегда ограничен во времени), во втором - материальных (не признающих не только восточнославянской традиции "моральной экономики", но и опыта ведущих западных стран по моральному стимулированию эффективного труда).

Однако при всем неприятии крестьянством частной собственности на землю в отношении к ней значительное место занимал индивидуальный метод "общения" с землей.

Во-первых, уже указанный "захватный принцип" землепользования был ориентирован прежде всего на стабильность и индивидуально-семейные возможности.

Во-вторых, и при уравнилельно-перераспределительном и при общинно-подворном (наиболее сильно распространенном на Украине и Белоруссии) принципах функционирования крестьянской экономики в повседневной трудовой жизни явно присутствовал индивидуализм: каждая семья самостоятельно обрабатывала свой участок земли и жила за счет самостоятельно выращенного и собранного продукта. Именно этот момент и следует рассматривать в качестве определяющего характер восточнославянской общины. Еще в XIX в. исследователь общины А.И. Васильчиков особо это подчеркивал: "Наш русский народ имеет в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли; обработка сообща и дележ продуктов, хлеба и сена в натуре, при уборке, никогда не были в обычае русского крестьянства и совершенно противны мирскому быту" .

В собрании пословиц и поговорок русского народа В.И.Даля в разделе "работа - праздность" явно превалирует индивидуализм: из примерно 500 пословиц и поговорок, собранных здесь, нет ни одной, посвященной крестьянской взаимопомощи, но есть четыре, негативно оценивающие псевдоколлективный труд: "Семеро одну соломинку поднимают", "Один рубит, семеро в кулаки трубят", "Двое пашут, а семеро руками машут", "Семеро лежат в круге, а один всех растаскивает".

Вместе с тем, было бы неверно абсолютизировать индивидуализм трудовой деятельности крестьянина. Более точно можно определить труд в общине как индивидуально-коллективный по своей сути. Индивидуалистская составляющая выражалась в необходимости личной работы и заботы о своем наделе, коллективистская - в строгом общем ритме трудовой деятельности, его одновременности. Веками сохранялись выработанные ритм и нормы труда, режим дня, последовательность хозяйственных действий, начало и завершение работ. Этот всеобщий ритм охватывал весь общинный коллектив и не позволял членам этого коллектива из него выбиваться. Например, вводить разные новшества на своем участке крестьянин не мог. Так, нельзя было внедрить раннюю вспашку пара, потому что по пару до вспашки паслось общественное стадо, где была и его скотина. Убирать урожай ему приходилось со всеми вместе, чтобы выгнать на жнивье скот: значит исключался посев поздних культур. Единый для всей общины севооборот и хозяйственный цикл, совместное пользование лугом и лесом ограничивали индивидуальную свободу крестьян в гораздо большей степени, чем форма общинного землепользования, основанная именно на индивидуальном труде как обязательном условии (по "крестьянскому" праву) владения землей.

Коллективизм как совместный труд в наиболее чистой форме проявлялся либо в организации коллективной бесплатной работы в случае необходимости помощи члену коллектива ("толока"), либо (в гораздо меньшей степени) в совместной деятельности для общих целей (ремонтные или строительные работы). При этом основным принципом "толоки" была добровольность, а само участие в ней принимало магическую форму, считалось делом богоугодным, обеспечивавшим достаток как всем участникам в целом, так и каждому в отдельности. Людям, которые неохотно шли на толоку или плохо там работали, община также не очень стремилась помочь. Неприглашение на толоку воспринималось как личное оскорбление и являлось практически показателем изоляции крестьянина от общинного "мира". Не случайно на толоке сходились работать даже люди, которые между собой враждовали.

Зачастую традиции коллективной крестьянской взаимопомощи использовали и помещики, и государство, нарушая при этом основополагающее условие эффективности "толоки" - добровольность. Участие в помещичьих или государственных "толоках" становилось принудительным (белорусская поговорка - "Казаў пан на талаку, а не пойдзеш — і за лоб иавалаку"), а отсюда - малоэффективным и и псевдоколлективным. Василий А.И., наблюдая жизнь общины в XIX в., отмечал следующее отношение крестьян к "государственной толоке": "При нарядах на общественные работы, починки дорог, провод каналов и т.п. крестьяне всегда избегают работы сообща, разбивают дорогу или канаву посаженно, по тяглам или душам, и исполняют наряд под личную ответственность каждого домохозяина" .

В годы Советской власти "толоке" придали государственный статус, что существенным образом изменило его первоначальный смысл и характер участия людей, со временем ставших рассматривать "субботники" как своего рода государственную повинность. Принцип добровольности постепенно заменился принципом обязательности, что и явилось одной из причин того, что экономические показатели работы в дни "субботников" в последние десятилетия были ниже результатов обычных рабочих дней.

Все вышесказанное имеет свои особенности применительно к белорусскому этносу. Для белорусского крестьянства был в большей степени, чем для русских, характерен прежде всего индивидуальный подход к земле. Связано это в первую очередь с особенностями исторического развития общины в Беларуси.

Современная историческая наука не дает однозначного ответа на вопрос о характере общинной системы крестьянской жизни в Беларуси. Видные белорусские историки М.Довнар-Запольский, В.Пичета считали, что до середины XVI века на белорусских землях существовала традици-

онная общинная организация с правами распоряжения землей и системой самоуправления. Однако водочная реформа 1557 г., по их мнению, ликвидировала общину и к концу XVI века произошел полный распад общинной жизни и общинного землепользования не было ни на западе, ни на востоке Беларуси.

Другие историки, рассматривая водочную реформу как серьезнейший удар по общине, доказывают, что она затронула не всю территорию белорусов, а в большей степени ее западную и астральную часть. По мнению крупнейшего специалиста средневековой белорусской истории М.Улащика, водочная реформа не затронула восточную Беларусь ("Тэта з'явілася вышкам таго, што на ўсходзе вытворчыя сілы былі развіты слабеі, чым на захадзе, апроч таго, урад асцярагаўся выклікаць незадавальненне насельніцтва..."), однако на западе и в центре она "у значнай частцы разбурыла грамадскае землекарыстанне і уводзіла падворнае, разам з тым падрылася і моц грамады, якая ўяўляла сабою арганізаваную сілу". В своих исследованиях М.Улащик, и В.Чепко находят в Беларуси первой половины XIX века и индивидуально-подворную (главным образом на западе и в центре), и общинную формы землепользования. Д.Пахилевич вообще доказывает, что община, хоть и извела сильные удары в период аграрной (водочной) реформы, но все же сохранилась. В.Голубев считает, что представление об исчезновении общины в Беларуси в XVI веке - безосновательно. Отсутствие в белорусской деревне второй половины XVI - XVIII вв. переделов земли не может быть показателем исчезновения общины, а является только этапом ее эволюции.

Больше достоверных сведений сохранилось о второй половине XIX в. и связаны они с подготовкой и проведением реформы отмены крепостного права. Можно утверждать, что к тому времени общинное землепользование сохранялось на востоке Беларуси (Могилевская и большая часть Витебской губерний), а индивидуально-подворное - на остальной части. В Могилевской и Витебской губерниях, как и в Центральной России, где было широко распространено общинное землепользование, реформа проводилась на основе "Положения для губерний великорусских, новороссийских и белорусских". Право собственности на крестьянскую землю (после ее выкупа) передавалось не отдельным крестьянским семьям, а общине в целом. В западной и центральной Беларуси реформа осуществлялась по "Местному положению" и земля закреплялась (также после выкупа) уже в индивидуальную собственность крестьянских семей. Однако и на этой территории (Гродненская, Минская, Ковенская губернии) в силу чересполосного владения, община продолжала играть существенную роль в определении сроков сева и уборки урожая. Кроме того, в общинном владении оставались пастбища и отчасти лес. Таким образом, ко второй половине XIX в. община как собственник земли сохранилась

на востоке, тогда как на западе и в центре уже твердо закрепилась индивидуальная форма крестьянского землепользования. Следует также учитывать, что сохранившаяся на востоке Беларуси общинная форма землепользования имела специфическую общинно-подворную форму без периодических переделов и земельных поравнений. В начале XX в. члены "Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности" констатировали: "У бывших помещичьих крестьян Витебско-Могилевского района владения наделной землей - община, но община, будучи навязана законом, не является выражением выработанного веками взгляда местных крестьян на их земельно-правовые отношения... За 40 лет общинного владения большинство крестьян не смогло свыкнуться ни с мыслью о переделах полевой земли, а равно и каком бы то ни было принудительном отнятии земли у одного крестьянина для передачи другому..., всякий держался своих, унаследованных от предков, полос "батьковщины и дедовщины" .

В 1905 г. только 31,8% крестьянских дворов входило в общины, в их пользовании находилось 24,8 % наделных земель: прежде всего в Витебской губернии (44,6 % земель) и Могилевской (79,2 %). В ходе столыпинской реформы к 1916 г. в Могилевской губернии в частную собственность перешло 67,3 % общинных земель, в Витебской - 30,2 %.

Таким образом, для белорусского крестьянства в значительно меньшей степени, чем для русского, были свойственны настроения земельно-уравнительные (переделные), хотя трудовой принцип владения землей и неприятие купли-продажи земли были также характерны для большинства из них. Для большей части белорусских крестьян была присуща самостоятельность и опора на собственные силы, а отсюда - большой индивидуализм (хотя каких-то серьезных особенностей в отношении к указанному выше индивидуально-коллективному характеру труда при наличии общины и без нее нет: и в общине, и без нее люди трудились на своих участках в строгом общем ритме, соблюдая общий режим труда, последовательность хозяйственных действий и т.п.; также для большинства белорусских крестьян было свойственно принятие и принципов "моральной экономики" и "нестрогой прибыльности" и т.п.).

В большей степени, чем в отношениях к земле и труду, восточнославянский коллективизм проявлялся в функционировании общинного "мирского" самоуправления. Здесь сила коллектива выражалась в максимальной степени, определяя права и обязанности членов общины, нормы и правила взаимоотношений как внутри коллектива, так и в отношении к внешнему окружению. Крестьянский "мир" являлся мощным орудием эффективного социального контроля за поведением индивида, контроля постоянного, строгого, от которого нельзя было скрыться. Сила "мира", нравственные, а при необходимости и экономические рычаги позволяли

ему действительно регулировать образ жизни крестьян в соответствии с традицией, культивировать идею общинного коллективизма, взаимопомощи, сдерживать естественный индивидуализм мелкого производителя. "Мир" создавал праведный стандарт, ориентированный на сотрудничество, коллективную ответственность, защиту члена общества в обмен на признание этого стандарта и ограничения личных свобод. Известный славянофил К.С.Аксаков писал: "Мир по существу своему есть самозаконное, верховное явление народа, вполне удовлетворяющее всем требованиям законности, общественного суда, общественной правды, одним словом, общественной воли... Община представляет нравственный хор, и как в хоре не теряется голос, но, подчиняясь общему строю, слышится в согласии всех голосов, так и в общине не теряется личность, но, отказываясь от своей исключительности для согласия общего, она находит себя в согласии равномерно самоотверженных личностей"" .

Основным органом мирского самоуправления служили сельский сход и избираемый им на три года сельский староста. Несколько сел образовывали волость. Волостной сход составлялся из выборных - по одному от каждых десяти дворов. Он избирал волостное правление, в которое входили волостной старшина, его помощник и писарь, а также волостной суд, насчитывавший от 4 до 12 судей, из которых в заседаниях должно было участвовать не менее трех. Одно только перечисление прав общинных сходов дает представление о его возможностях влиять на повседневную жизнь общинников: дела по общинному владению землей, ее разделу и перераспределению, раскладу податей, пользованию общинными лугами и лесами, строительство плотин, согласие на отлучку и удаление из общины, вопросы нарушения общинных запретов, мелкие преступления, семейные разделы и выделы, конфликты между членами общины. Решения сходов рассматривались как абсолютное выражение Правды, не допускающее никакой критики. Однако при этом власть "мира" могла осуществляться лишь с согласия большинства и его готовности выполнять то или иное решение. Характеризуя российскую дореволюционную действительность, П.Сорокин писал: "Под железной крышей самодержавной монархии жило сто тысяч крестьянских республик".

Вместе с тем отношение к "миру" было и одновременно весьма скептическое. Анализ пословиц и поговорок, отражающих крестьянское восприятие жизни до отмены крепостного права у В.И.Даля, проведенный М.Вылуманом¹², подтверждает это. Наряду с признанием "мира" как высшей и справедливой силы ("Что мир порядил, то Бог рассудил", "Что миром положено, тому быть так", "Мир - великчеловск", "Мир - великое дело") гораздо больше оказалось пословиц и поговорок, в которых содержится скептическое и критическое отношение к "мирскому" коллективизму ("Мир с ума сойдет - на цепь не посадишь", "Вали на мир: мир все сне-

сет", "Быть на сходе - согрешить", "Народ глуп: все в круг лезут", "Мужик умен, да мир дурак").

Община строилась на основе замкнутости и самодостаточности как своеобразный "локальный мир". Вообще "локальные миры" - это определенные территориальные, этнические, конфессиональные, плановые, профессиональные и др. группы, связанные внутри "своими" поведенческими нормами и стереотипами, основанными на собственных, сепаратных ценностях. В основе общины как раз и лежала система норм поведения и ценностей, сконструированная таким образом, что она охватывала все стороны жизни человека и тем самым обеспечивала ему непротиворечивость в поведении и образе мышления, сбалансированность его личности.

"Локальные миры" в своем первородстве имеют родо-племennую организацию общества, когда человечество не знало иных, более широких социальных систем. Интеграция первичных "локальных миров" в более широкую социальную общность - государство - есть исторически присущий всем народам путь их цивилизационного становления. Разные нормативные системы различных миров не позволяли осуществить их синтез в универсальное единство без необходимого инструмента - государственной организации как создателя новой интегративной системы норм, стоящих выше локальных.

В связи с этим государство разумелось крестьянством, но наблюдениям исследователя ссверорусской общины М.Богословского, "миром" в более широком объеме, отличающимся от своих образующих элементов скорее количественно, чем качественно¹³.

Крестьянским идеалом государства была "большая община", основанная на "локальных мирах" с переносом их ценностей на это "большое общество" (государство). Подобный перенос на практике редко осуществим, т.к. возникнув на основе "локальных миров" государство превращается в самоценность со своими интересами, часто не совпадающими с интересами этих миров. Это несовпадение вполне объяснимо с точки зрения теоремы системного анализа: если какая-то система состоит из нескольких взаимодействующих (связанных) между собой подсистем, то оптимум (наилучшее условие) для всей системы не определяется оптимумом для каждой из подсистем.

Крестьянский идеал и реальность расходились, составляя основу противостояния "локальных миров" и государства. При ослаблении государственной власти потенциал "локальных миров" переходит в движение и стремится к созданию своего идеала, воспроизводит "большое общество" на основе ценностей своего мира либо к объявлению суверенитета своих норм и выхода из общей нормативной системы.

Важнейшая функция "локальных миров" (и одна из объясняющих длительность их существования) - защита интересов своих членов от

внешнего мира, и прежде всего от произвола государственной власти. "Локальные миры" в обмен на ограничение прав отдельного человека предоставляли гарантии его защиты не только в экстремальных, но и в повседневных условиях. Община (как одна из разновидностей "локальных миров") сдерживала натиск господствующего класса, его всевластия, обеспечивала воспроизводство крестьянского хозяйства и элементарное выживание крестьянства. Мир следил за наличием у крестьянской семьи необходимых для ведения производства земельных угодий, за распределением государственных налогов и частновладельческих повинностей в соответствии с хозяйственной мощью, повседневно упорно сопротивлялся нажиму со стороны помещиков. Община выполняла важные функции по регулированию хозяйственной деятельности крестьянства и его сношений с внешним миром. "Локальные миры" традиционно представляли собой закрытые объединения, вход в которые "чужакам" был серьезно ограничен. Этим они противостоят гражданскому обществу, основывающемуся на открытости и учете интересов (порой сильно несовпадающих) отдельных индивидов.

В правовом демократическом государстве "защитная" функция "локальных миров" утрачивает свой смысл, т.к. для защиты прав личности существует широкая правовая система. Чем менее демократично общество, тем в большей степени сохраняется основа для их существования. На Западе с его давней правовой традицией на смену атомизации общества посредством "локальных миров" пришла агомизация личности. Для восточных славян по-прежнему важной структурной единицей социальной организации являются "локальные миры", в настоящее время носящие неформальный характер с преобладанием интересов групповых над личными. "Слово интерес, - подчеркивает В.Криворотов, - здесь существенно дезориентирует, поскольку в классическом варианте такой психологии личность о своих интересах просто и не подозревает, ибо отождествляет себя с коллективом"¹⁴

Восточнославянская община - типичный пример такого "локального мира", выразитель "коллективного эгоизма". Для Запада более характерен "частный эгоизм" как совокупность "эгоизмов" индивидуумов. Для "коллективного эгоизма" присущ эгоизм отдельных, индивидуальных социальных организмов, ощущающих свою особенность, отличность, неповторимость, превосходство (или ущербность) в отношении иных общностей.

В наиболее яркой форме индивидуализм восточнославянского крестьянства проявлялся в отношении к произведенному своим трудом: здесь отсутствовали даже элементы коллективизма. Как указывалось выше, только личный труд составлял единственно признаваемую крестьянством основу права полной и безусловной собственности. Все, что произвел кре-

стьянин своим трудом, рассматривалось как его неприкосновенная собственность. Исследователь традиционной крестьянской экономики О.Платонов подчеркивает: "С почти религиозным чувством крестьянин относился к праву собственности на те земельные продукты, которые были результатом труда человека. Украсть что-либо с поля... считалось величайшим грехом и позором. Причем крестьянин четко разделял предметы, являвшиеся результатом человеческого труда, и дары природы. Если кто срубит бортяное дерево (где люди держали пчел), тот вор, ибо он украл человеческий труд; кто рубит лес, никем не посаженный, тот пользуется даром Божиим, таким же даром, как вода и воздух" .

В собранных В.И.Далем пословицах и поговорках в разделе "свое - чужое" зафиксирован последовательный индивидуализм крестьян в отношении к произведенному продукту: "Всяк сам на себя живет", "Кто на ком, а мы по себе", "На себя работать не стыдно", "На чужое богатство не надейся, свое береги", "Дружба дружбой, а табачок врозь", "С соседом дружи, а тын городи" и т.п.

Исследователи отмечают и поразительный индивидуализм в отношении к личной собственности. Так, муж не имел права потратить сбережения своей жены, заработанные ею в свое свободное время. У каждого члена семьи имелись свои собственные сбережения и их он мог завещать по своему произволу .

Оборотной стороной такого отношения к земле и продуктам труда было хищническое отношение к общинным угодиям. Историки отмечают частые случаи массовых вырубок общинных лесов. Общинные луга с каждым сенокосом портились все более, т.к. участки на них наделялись каждый год заново и крестьянин старался с участка, который косил в данном году, взять все, что можно и чего нельзя.

Своеобразие восточнославянского варианта отношений "коллективизм - индивидуализм" достаточно четко проявлялось в отношении к выплате государственных налогов. Дело в том, что укрепление и сохранение общины с фискальной точки зрения отвечало интересам государства, т.к. значительно облегчало последнему сбор налогов. Государство имело дело с общиной, а не с отдельным крестьянином как объектом налогообложения. Перед государством отвечал коллектив. Но это, в свою очередь, заставляло общину таким образом распределять землю между общинниками, чтобы каждый из них смог выплатить свою долю налога в зависимости от количества и качества надела. Если за уплату налога перед государством отвечала вся община, то внутри общины каждый нес ответственность за свою долю этого налога, а в случае ее неуплаты недоимщик мог лишиться как части своего надела, так и права участвовать в общинном самоуправлении. Таким образом, коллективная ответственность перед государством совсем

не снимала личной ответственности с каждого члена общины за уплату налогов.

Таким образом, в лоне крестьянского народного творчества сформировался свой вариант гармонизации коллективистских и индивидуалистических начал, предполагавший достаточно четкое разделение сфер человеческой жизнедеятельности, в одних из которых преобладал коллективизм, в других индивидуализм. Он позволял в конкретных природно-климатических, исторических, социально-экономических условиях поддерживать стабильность и порядок, обеспечивал нравственные устои восточнославянского общества.

§ 2 Восточные славяне сегодня: вместе или поодиночке?

Каким же образом соотносится этот классический восточнославянский вариант гармонизации коллективистских и индивидуалистических начал с представлениями людей в современных условиях переходного, далекого от стабильности периода? Несмотря на то, что ментальные характеристики включают в себя только явления долгосрочного порядка и абстрагируются от кратковременных изменений сознания людей, не относящихся к сфере менталитета, а само изучение ментальное™ требует длительных по историческим меркам замеров, все же определенным образом ответ на данный вопрос могут дать социологические опросы, в том числе проведенный авторами.

Во-первых, по-прежнему коллективизм рассматривается как существенная черта, характерная для восточнославянского образа жизни и отличающая их от других европейских народов: среди семи наций (русские, украинцы, немцы, белорусы, литовцы, поляки, американцы) именно для восточных славян присущ, по мнению опрошенных, коллективизм (для русских - 49 %; белорусов - 37,7 %; украинцев - 25,6 % респондентов). Да и вообще коллективизм как принцип организации взаимоотношений между людьми признают подавляющее большинство опрошенных (только около 7 % считают коллективизм мифом, не имеющим отношения к реальной действительности). Здесь позиции респондентов достаточно четко укладываются в традиционный восточнославянский национальный стереотип: "мы" (восточные славяне) - коллективисты, "они" (западные народы) - индивидуалисты.

При этом мы рассматриваем данные цифры по русским, белорусам и украинцам как показатель минимума тех из них, кто считает коллективизм важной ментальной характеристикой восточнославянских народов. Реальное же число - гораздо выше. Дело в том, что при заполнении анкеты респондентам было предложено из 16 позиций по каждой нации выделить, только 6 наиболее на их взгляд значимых (отсутствие таких ограничений

могло бы поднять процент "коллективистов"). К тому же в данном случае понимание коллективизма было ограничено принципом "один за всех, все за одного", что значительно сузило сферу его реального многостороннего восприятия респондентами и значительно ограничило возможности опрашиваемых определиться по этому вопросу.

Во-вторых, коллективизм нашими респондентами рассматривается как повседневная норма, предполагающая не автоматическое следование сложившейся традиции (только каждый 6-й опрошенный видит сущность коллективизма в следовании сложившейся традиции), а сознательный выбор определенной жизненной позиции и определенной системы отношений между людьми. В то же время при ответе на вопрос об основных предпосылках формирования восточнославянского коллективизма в качестве одной из них 1/3 респондентов отметили "сложившуюся традицию". Данное противоречие либо, во-первых, есть свидетельство достаточно неопределенного отношения респондентов к роли и значению традиции в коллективизме, либо, во-вторых, есть понимание различия в отношении к традиции как историческому источнику формирования коллективистских основ восточнославянского образа жизни как нормы, уходящей своими корнями в глубокое прошлое и, с другой стороны, как к сущностной характеристике коллективизма, предполагающей сознательный его выбор каждым индивидом. Выяснение сущности данного противоречия требует проведения дополнительных исследований и углубления постановки вопросов.

В-третьих, коллективизм рассматривается прежде всего как принцип ограничения поведения человека определенными общими принципами и нормами, соблюдение которых членами сообщества является необходимым условием его нормального (в понимании данного сообщества) функционирования. Здесь коллективизм выступает в той же роли, в какой он выступал в традиционной общинной организации - в роли важной структурной единицы традиционного права, т.е. совокупности выработанных и принятых обществом неписаных норм и правил поведения, взаимоотношений людей в разных сферах производственной, общественной и семейной жизни. При переходе к цивилизованным нормам это традиционное право было сильно потеснено "фиксированным" (писаным) правом, т.е. юридическим правом, однако сохранило свое важное значение в регулировании поведения людей. При этом роль этого традиционного права выше юридических норм. В этом отношении понимание роли коллективизма в общинном понимании и современной ее форме принципиально не различается.

В-четвертых, коллективизм прежде всего ассоциируется с принципами жизнедеятельности небольших сообществ ("локальных миров") и выступает как корпоративный принцип поведения. При ответе на вопрос

о сущности коллективизма на 1 место вышло его понимание как "объединение людей для общих действий независимо от социального и имущественного положения" (62,9 % респондентов). Если в условиях традиционной сельской общины помощь предполагалось оказывать "своим" (т.е. членам своей общины), а чужие выходили за рамки этого отношения, то в настоящее время наиболее распространенным видом "локального мира" является узкий круг родственников и друзей (своеобразный современный "сельский мир"). Именно здесь прежде всего респонденты ищут поддержки в решении своих личных проблем (более трети респондентов в решении собственных проблем основную надежду возлагают на помощь семьи, родственников, друзей; только около 1,5 % - на государственную власть; 3,5 % - на помощь производственного коллектива (при безусловном лидерстве опоры на собственные силы - 74,3 %)). Общинный принцип противопоставления "своих" (членов данной сельской общины) "чужим" (членам иных социальных образований) реально определяет и поведение современных людей, образующих в той или иной форме свои "локальные миры", значительно меньшие, чем нации: в то время, как коллективизм в понимании "один за всех, и все за одного", по мнению респондентов, прежде всего присущ русским, белорусам и украинцам, то стремление русских оказать помощь представителям своей нации зафиксировали только 16,8 % респондентов; белорусов - 18,2 %; украинцев - 19,3%. Подобного рода ответы дают основание выдвинуть в качестве достаточно обоснованной гипотезу: современные люди, по-прежнему, принципы взаимопомощи распространяют главным образом на членов "своего локального мира", а не на всю нацию.

Один из важнейших принципов корпоративности - подчинение личных интересов общественным, превосходство общепринятых в рамках корпорации общих принципов и норм поведения над индивидуальными формами их проявления. "Локальные миры" принципиально требуют соблюдения этого принципа и вне его существовать не могут. В отличие от классической корпорации как "общества, союза, группы лиц, объединяемых общностью профессиональных или сословных интересов"¹, "локальные миры" охватывают гораздо меньшее количество людей, так как основаны на принципах эмоциональных связей людей, знающих друг друга. В этом - не только источник силы, но и слабости этих "миров": при расширении состава их участников с ослаблением непосредственных связей эти "локальные миры" дробятся, нередко вступая в конфликты. В связи с этим в "локальных мирах" подчинение общим интересам (почти каждый второй респондент отметил в качестве характеристики коллективизма "подчинение личных интересов общим") носит характер сознательного выбора с явным эмоциональным оттенком, а не внешнего принуждения (хотя его элементы, безусловно, присущи всем сообществам). Вместе с тем

наше исследование, как и другие социологические опросы, свидетельствует о достаточно малой готовности людей в обыденной жизни даже к скромным формам самопожертвования. Проведенный в 1993 г. российским фондом "Общественное мнение" опрос показал, что на формулировку "Я чувствую себя свободным, когда объединяюсь с другими людьми ради общего дела, даже если это ущемляет какие-то мои личные права и интересы" положительно ответили около 30 % , отрицательно - около 40 %¹⁸. В нашем исследовании на вопрос "Если бы Ваши личные доходы увеличились в 2-3 раза, то как бы Вы ими распорядились?" только 9 % ответили: "Потратил бы на оказание помощи людям, оказавшимся в беде" (45 % - на приобретение жилья, автомобиля; 34,8 % - на приобретение предметов длительного пользования).

Достаточно принципиальным в этом смысле является вопрос о соотношении "соборных принципов" жизнедеятельности восточных славян с современными представлениями о коллективизме. В православной трактовке соборность есть высшее проявление восточнославянского коллективизма, идея совместных действий людей, независимо от социального и материального положения во имя высших духовных (в данном случае - православно-христианских) ценностей. Указанный выше ответ респондентов о сущности коллективизма ("объединение людей для общих действий независимо от социального и имущественного положения" - 62,9 %), несмотря на видимое соответствие принципам "соборности", во многом ему не отвечает. Только треть респондентов в качестве предпосылки формирования коллективизма выделили "внутреннюю духовную потребность". К тому же духовность (как преобладание духовных ценностей над материальными, что традиционно характеризовало восточных славян) в качестве важнейшей характеристики русских отметило только 16 % респондентов, белорусов - 14 %, украинцев - 9,9 % .

Поставленные в исследовании задачи пока не включают выяснение отношения респондентов к структуре духовности. Восполнить этот недостаток позволяют итоги проведенного летом 1996 г. в России сотрудниками Института социологического анализа исследования "Особый путь России : в чем он? Что это такое?" . Это исследование показало, что россияне, которые считают духовность особым достоянием страны (таких оказалось чуть менее 50 %), понимают ее достаточно своеобразно. Только каждый четвертый подразумевает под ней веру в Бога, каждый седьмой - интерес к истории и культуре своей страны, каждый десятый - культуру отношений между людьми. Самый распространенный ответ (больше половины голосов): духовность - это вера в будущее, помогающая терпеливо переносить трудности настоящего. На втором месте - преобладание духовных ценностей над материальными. Третье и четвертое место заняли потребность в дружбе, общении, откровенных разговорах по душам и

теплоте, сердечности отношении между людьми (кстати, по итогам нашего исследования последнее, по мнению респондентов, для 54,5 % является характерной чертой белорусов; для 34,2 % - русских; для 27,3 % - украинцев).

Таким образом, современные представления более соответствуют мирскому коллективизму "локальных миров", чем "соборному идеалу", что было подмечено еще многими исследователями классической восточнославянской общины.

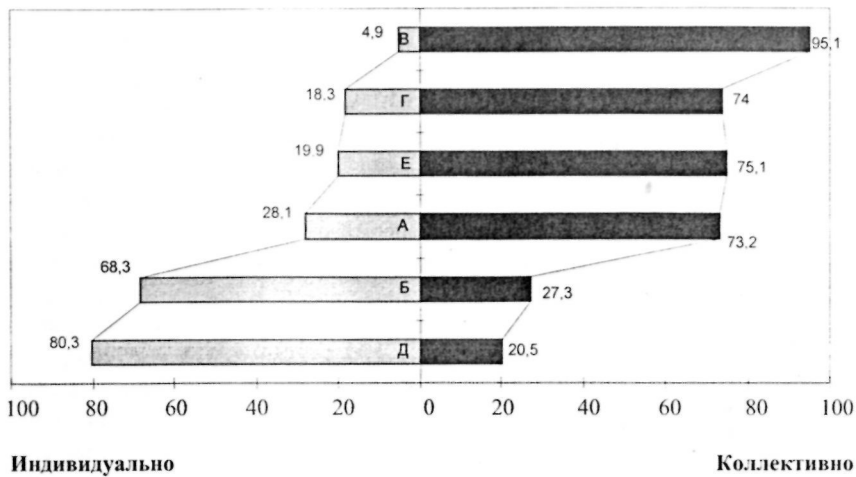
В-пятых, традиционное соотношение коллективизма и индивидуализма (в рамках общины) и современная их интерпретация по многим положениям существенным образом не изменились. Как указывалось выше, исторически сложилось, что восточные славяне достаточно четко различали сферы жизнедеятельности, для которых более свойственен коллективизм, и сферы, где индивидуализм играл решающую роль. Исследователи восточнославянской общины (А.Васильчиков, К.Кавелин, С.Лурье, Е.Стариков, О.Платонов и др.) отмечают, что для крестьян коллективизм (в разных его сущностных характеристиках и прежде всего как объединение для общих действий) был применим прежде всего к общинной форме собственности на землю как основному средству производства и источнику существования, в трудовом процессе (как действия, подчиненные единому ритму и хозяйственному циклу), в критических ситуациях, угрожавших крестьянскому "миру" в целом или отдельным его членам. В свою очередь индивидуализм господствовал в сфере распределения результатов труда, отношению к личной собственности, в повседневной, обыденной жизни. Проведенный нами опрос дал результаты, принципиально не выходящие за рамки указанной традиции (см график № 9).

На вопрос: "В каких случаях жизни оправдано применение принципов коллективизма, в каких - индивидуализма?" получены следующие данные: коллективизм для респондентов оказался незаменимым при защите Родины (96,2 %); в критические периоды развития общества в мирное время (81,4 %); в сложных, важных жизненных ситуациях (72,4 %); в производственной деятельности (73,1 %); тогда как индивидуализм доминирует в распределении и потреблении результатов труда (73,1%) и в повседневной жизни (84 %). Таким образом, сегодня, как и прежде, в тяжелые периоды люди готовы слиться в единое целое, но при улучшении ситуации усилятся личные интересы и личное благополучие.

В отношении к формам собственности на землю есть свои особенности. "Трудовой принцип" владения землей для значительной части респондентов утратил свое первостепенное значение (лишь каждый пятый считает, что "земля должна принадлежать только тем, кто ее обрабатывает").

График № 9

Предпочтительные формы взаимодействия респондентов
в различных сферах жизнедеятельности



- А - в производительной деятельности;
- Б - в распределении результатов труда;
- В - в защите Родины;
- Г - в критические периоды развития общества в мирное время;
- Д - в повседневной, каждодневной жизни;
- Е - в сложных, важных жизненных ситуациях.

Однако и сегодня принцип частной собственности на землю имеет не слишком много сторонников (9,8 % опрошенных считают, что земля должна находится в частной собственности). Большинство (59%) признают многообразие форм собственности и конкуренцию между ними. При этом следует учитывать, что абсолютное большинство респондентов - городские жители, для которых вопрос о земле не является основным, а земля для них - не главный источник их существования. Несомненно больший интерес представляет позиция сельчан в проблеме земельной собственности. В 1993 г. нами выполнено исследование по заказу Комитета по сельскому хозяйству и продовольствию Гомельского облисполкома исследование "Социальные и психологические аспекты развития сельскохозяйственного производства Гомельщины в условиях перехода к рыночной Экономике", в ходе которого было проведено анкетирование разных

категорий сельских тружеников. Это исследование в вопросе о формах собственности на землю зафиксировало следующую раскладку: более половины (58,8 %) сельских респондентов полагают, что земля должна находиться в собственности сельскохозяйственных предприятий, обрабатывающих ее. Каждый четвертый считал, что земля должна принадлежать государству. Столько же ответили, что землей могут владеть и государство, и сельхозпредприятия, и частные собственники. И только 2 % опрошенных высказали мнение, что земля должна находиться только в частной собственности.

Таким образом, большинство респондентов выступило в поддержку коллективной собственности на землю.

Следует отметить, что в обыденном сознании коллективная форма собственности ассоциируется с двумя ее вариантами:

а) коллективная собственность на землю как результат добровольного объединения частных собственников с правом их свободного выхода (т.е. коллективная собственность как "вторичная", "производная" от частной);

б) коллективная собственность, при которой коллектив выступает как единственный законный собственник земли (т.е. коллективная собственность как "первичная").

Исследование 1993 г. показало, что в настоящее время преобладает поддержка именно "первичной" коллективной собственности. Но, с другой стороны, только 14,6 % сельских респондентов не собирались приватизировать землю. Особого противоречия здесь нет: полученная в частную собственность земля большинством крестьян не рассматривается как основной и независимый источник существования, но как источник дополнения основных доходов, полученным в коллективном хозяйстве. Что в данном случае крестьянин вкладывает в понятие "частная собственность"? Ответы сельчан на вопрос "Какими правами должен обладать владелец земли?" свидетельствуют, что владение землей для большинства сельских респондентов ассоциируется с нравом свободного хозяйствования на земле: решать, что и в каком количестве производить, устанавливать цену на свою продукцию и передавать землю по наследству, но не продавать ее и не нанимать наемных работников. По сути дела, крестьяне по отношению к земле зафиксировали право пользования и распоряжения, но не владения - ее нельзя продать. Таким образом, абсолютное большинство сельчан-респондентов выступило против превращения земли в товар - неотъемлемую черту частной собственности. В эмоционально-личностной форме один из респондентов в анкете это отношение зафиксировал следующим образом: "Торговать землей равноценно тому, что дети выведут на базар мать, благо она их уже родила и вырастила" .

Принимая коллективизм как принцип производственной деятельности, респонденты 1997 г. в подавляющем большинстве не желают воспринимать коллег по работе в качестве конкурентов (только 3 % участников опроса относятся к своим коллегам как к конкурентам), а хотят строить свои отношения как партнерские (50 %). Указанное выше исследование "Особый путь России: в чем он? Что это такое?" также зафиксировало, что дружеские отношения на работе для россиян важнее, чем сама работа. Исследования показывают, что большинство респондентов воспринимают других людей как конкурентов в сфере потребления (68,3 % респондентов нашего опроса - за индивидуализм как принцип распределения результатов труда), а не в производстве.

Подобное отношение было характерно для членов восточнославянской общины, которая располагала достаточно развитым механизмом различного рода противовесов, позволявшим поддерживать в "рабочем" состоянии социальную систему, в которой член общества не имел оснований рассматривать своих людей как конкурентов в производстве (ни один член общины не мог ни потерять землю как источник своего существования, ни увеличить его сверх установленных "миром" размеров за счет экономического "удаления" другого члена общины), но в то же время его личное благосостояние зависело от его индивидуальных усилий. Однако такая система могла работать только в условиях слаборазвитого рынка и хозяйственной автаркии при условии, когда подавляющая часть ее членов готова была довольствоваться малым, тем более если это малое ему гарантировано, если его достижение лежит в рамках традиции и не требует от него сверхусилий и если окружающие живут по тому же правилу. Столкнувшись с новыми условиями капиталистического рынка, общинные механизмы надломались, не вписались в новые реальности, так и не воспринятым традиционным крестьянским сознанием. Вторжение рынка в дотоварную экономику привело к резкой ломке традиционного образа жизни, создавало почву для агрессивного контрнаступления на новые структуры. Мощный подъем крестьянского движения, послуживший основой российских революций начала века, явился в конечном итоге стремлением к торжеству общинной ментальностиTM.

При советской власти была предпринята попытка создания нового типа коллективизма с расширением сферы партнерства при практическом отсечении индивидуалистической составляющей общинной традиции. Государственное регулирование количества рабочих мест, отсутствие безработицы даже в ущерб экономической эффективности гарантировало работу (и источник существования) вне зависимости от качества работы коллег, которых в силу этого было трудно представить конкурентами. Если конкуренция и существовала, то скорее как умение в необходимом виде "подать" себя руководству. Экономическое стимулирование индивидуаль-

ных трудовых усилий (вопреки теоретическому постулату социализма: "от каждого - по потребности, каждому - по труду") было минимизировано. Необходимо отметить, что новая форма коллективизма была ближе устоявшимся традициям сельского мира восточных славян, не успевших и не сумевших приспособиться к необходимости жесткой конкурентной борьбы и в Советской власти увидевших надежду на возврат к общинным нормам отношений между людьми. Вместе с тем подавление индивидуализма в распределении результатов труда, уравнительность в распределении вызвали сначала активное сопротивление, а затем скрытое неприятие, выразившееся в безразличии к качеству и количеству труда .

Начавшаяся в середине 80-х годов перестройка дала надежду на возрождение общинной традиции соотношения индивидуализма и коллективизма в производстве и распределении (хозрасчет, самофинансирование, аренда, оценка труда по конечным результатам), однако и этот опыт оказался отрицательным. Проводимая в России идея всеобщей конкуренции как двигателя для прорыва в будущее в массах вызывает неприятие, как и в начале века. Меньшее недовольство вызывает у населения попытка законсервировать или немного модернизировать "социалистический коллективизм" с его бесконфликтностью отношений работников в процессе производства. Но в последнем случае длительность существования этой системы будет определяться готовностью населения расплачиваться за подобную бесконфликтность, довольствоваться малым в материальном плане.

Таким образом, восточнославянская традиция отношения к коллективизму и индивидуализму, сложившаяся в традиционном виде в лоне сельской общины, вполне может характеризоваться как "ментальная характеристика", связанная с достаточно стабильными структурами массового сознания и процессами большой длительности и проявляющаяся прежде всего в повседневной, будничной деятельности людей. Современное отношение людей к данной проблеме есть в значительной мере отрицание некоторых сторон "социалистического коллективизма", возможно неосознанное стремление возвратиться к общинной традиции, позволяющей примерить коллективистские и индивидуалистские человеческие начала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расположенные между классическим Западом (романо-германские народы) и классическим Востоком (афро-азиатские народы) восточные славяне сформировали свою самобытную цивилизацию. Они представляют собой сложившуюся духовно-культурную целостность, в которой восточное и западное начала в значительной степени органично сосуществовали на огромном пространстве. Однако это сосуществование было вовсе не бесконфликтным: восточнославянская территория была и остается ареной единения и борьбы двух начал - западного и восточного. В этом единстве и противопоставлении Запада и Востока - специфика восточнославянского мира, ответ на многие вопросы о том, что было с нами, какие мы сейчас, что с нами будет.

Чувственность и рационализм, коллективизм и индивидуализм, традиционализм и новаторство - все эти стороны Востока и Запада вступают в контакт между собой у восточнославянских народов, создавая непонятный для других народов образ "славянской души". Попытки "чисто" западного развития, отказ от исторического наследия обречены на поражение. Однако столь же бесперспективны стремления "отсидеться", "переждать", возродить в "чистом" виде традиции восточного славянства и жить, не считаясь с теми глобальными изменениями, которые несет человечеству научно-техническая революция.

В настоящее время инициатива в развитии человеческой цивилизации принадлежит Западу, что проявляется в идеологии и практике "модернизаторства". Отрицать необходимость модернизации восточнославянских обществ в их современном государственном оформлении - дело малопродуктивное, но само признание этой необходимости требует обязательного учета сложившихся здесь стереотипов, ценностей, норм поведения, типов мышления, представляющих своеобразный ген духовно-исторического опыта восточных славян. Имеющийся опыт успешной западной модернизации других стран показывает, что успехов добились очень и очень не многие - те, которые сумели так преобразовать ценности западного общества, что, с одной стороны, сохранили сущность западного модернизаторства, с другой - сохранили и свою национальную социально-психологическую самобытность, и сумели использовать, энергетический потенциал этнокультурных традиций в реформаторских действиях.

В переломных ситуациях, в условиях выбора ориентиров общественного развития, сила притяжения теплого, эмоционально-насыщенного одновременно и "хорошего" и "плохого", но "своего" восточного вектора огромное, часто неосознанное влияние.

Таким образом, наша главная рабочая гипотеза в процессе исследования полностью подтвердилась - воссоединение разорванных связей с нашими восточными соседями - Россией и Украиной, необходимость не только экономической и политической, но и социально-психологической. Но это нисколько не исключает продвижение Беларуси в сторону Запада. Другое дело, что процесс этот будет обуславливаться сложным освоением западных ментальных ценностей. А учитывая то обстоятельство, что изменение ментальных характеристик вообще происходит достаточно трудно, медленно, можно сделать вывод, что продвижение к освоению "западных" ценностей у медленных, осторожных белорусов в такой же мере неизбежно, сколь и не поспешно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь современной западной философии. - М., 1991.- 176 с.
2. //Родина.- 1993.-№ 1.-С. 125.
3. //Наш современник.- 1994.- № 4.- С. 138.
4. //Знание - сила.- 1994.- № 3.- С. 18.
5. //Вопросы истории.- 1992.- №№ 4-5.
6. //Вопросы истории.- 1992.- №№ 4-5.- С. 49.
7. //Наш современник.- 1994.- № 7.- С. 148.
8. //Наш современник.- 1994.- № 7.- С. 148.
9. //Беларуская мінуўшчына.- 1991.- № 1.- С. 53.
10. Национальный архив РБ, фонд 4, он. 21, д. 2549, л. 165.
11. //Социс- 1994.- №№ 8-9.- 178 с.
12. //Родина.- 1994.-№ 10.
13. С.Лурье. Метаморфозы традиционного сознания.- СПб, 1994.- С. 127.
14. //Знамя.- 1990,- №9.- С. 153.
15. //Наш современник.- 1994.-№4.-С. 138.
16. //Знание - сила,- 1993.- № 7.- С. 43.
17. Словарь иностранных слов.- М., 1982.- С. 255.
18. Капустин Б.Г. Либеральные ценности в сознании россиян. - М., 1994.
19. //Московские новости,- 1996,- № 34.
20. В.В.Кириенко, С.А. Елизаров, В.М.Курбатов. Социальные и психологические аспекты развития сельскохозяйственного производства Гомельщины в условиях перехода к рыночной экономике.- Гомель, 1993.- С. 8-12.
21. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Даследзіны беларускага светапогляду. - Мн., 1993.
22. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. - М., 1990.
23. Восточная Европа: политический и социокультурный выбор.-Мн., 1994.
24. Вехи. Интеллигенция в России. - М., 1991.
25. Дубянецкі Э.С. Таямніцы народнай душы. - Мн., 1995.
26. Данилевский Н. Россия и Европа. - М., 1990.
27. Единство восточнославянских народов: прошлое, настоящее, перспективы. //Материалы Международной научной конференции. - Гомель, 1995.
28. Кантор В.К. История против прогресса. - М., 1991.
29. Касьянова К. О русском национальном характере. - М., 1994.
30. Конан У.М. Ля вытокаў самапазнання. - Мн., 1989.
- 31.0 России и русской философской культуре. - М., 1990.
32. Славянские нарды и их культура в современном мире. // Материалы Международной научной конференции. - Гомель. 1996.
33. Сулима. "Сим победим!...": Очерк крестьянского оптимизма. //Неман. - 1992.- № 1.